Право в условиях цифровой реальности

ХАБРИЕВА Талия Ярулловна, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: office@izak.ru

ЧЕРНОГОР Николай Николаевич, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: chernogor72@yandex.ru

Стремительный рост объемов информации, формирование колоссальных информационных массивов и баз данных, интенсивное развитие цифровых технологий, их широкое внедрение в различные сферы общественной жизни, опосредование ими все большего количества областей и видов социального взаимодействия, деятельности государственных и общественных институтов являются значимым фактором развития современного общества, формирующим новую, «цифровую» реальность.

В условиях новой реальности право становится не только средством, инструментом, обеспечивающим цифровизацию экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия «цифровизации», в результате которого оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, структуры, механизма действия и демонстрирует тенденцию к усилению наметившихся трансформаций.

Вниманию читателей предлагаются некоторые размышления, оригинальные рабочие гипотезы, а также доктринальные решения, касающиеся осмысления влияния процесса «цифровизации» на государственно-правовую сферу жизни общества, право как таковое, оценки происходящих трансформаций и выявления тенденций в их динамике, прогнозирования состояния этих явлений в будущем, постановки фундаментальных и прикладных задач юридической науки в части доктринального освоения закономерностей развития и функционирования права и государственно-правовой сферы жизни общества в условиях цифровой реальности и определения подходов к их решению.

Ключевые слова: виртуальная вещь, государственно-правовая сфера, государство, информация, информационный массив, источник права, правовой массив, право, правовое регулирование, система права, структура права, субъект права, форма права, цифровая реальность, цифровая экономика, цифровизация, цифровые технологии.

The Law in the Conditions of Digital Reality

T. Y. KHABRIEVA, director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, academician of the Russian Academy of Sciences, doctor of legal sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: office@izak.ru

N. N. CHERNOGOR, head of the Department of state-legal disciplines of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: chernogor72@yandex.ru

The rapid growth of volume of information, the formation of great information arrays and databases, the intensive development of digital technologies, their widespread introduction into various spheres of public life, their influence on an increasing number of areas and types of social interaction, and the activities of state and public institutions are a significant factor in the development of modern society which forms a new, "digital" reality.

In the conditions of new reality the law becomes not only a mean, a tool that provides digitalization of the economy, management and of other segments of social life, but also the object of the impact of "digitalization", so as a result it undergoes changes in its form, content, system, structure, mechanism of action and demonstrates a tendency to the intensification of the emerging transformations.

Readers are offered with some thoughts, original working hypotheses, as well as doctrinal decisions regarding the interpretation of the influence of the "digitalization" process on the state and legal sphere of life of the society, the law itself, assessment of the transformations and identifying trends in their dynamics, predicting the state of these phenomena in the future, the formulation of the fundamental and applied tasks of the legal science in terms of doctrinal patterns of development and functioning of law and the state and legal sphere of the life of society in conditions of the digital reality and determination of approaches to their solution.

Keywords: virtual object, state-legal sphere, state, source of law, normative array, law, legal regulation, system of law, structure of law, subject of law, form of law, digital reality, digital economy, digitalization, digital technologies.

DOI: 10.12737/art_2018_1_7

Современная действительность характеризуется колоссальным ростом объемов информации, обуславливающим необходимость создания информационной инфраструктуры и строительства масштабных дата-центров, обеспечивающих долгосрочное сетевое хранение данных. При этом данный процесс не сводится лишь к оцифрованию сведений: фактически речь идет о попытках создания искусственного интеллекта, что предполагает разработку экспертных систем и баз данных, изучение методов и средств извлечения, представления, структурирования и использования знаний. Этот технологический прорыв, вне всякого сомнения, является значимым фактором развития современного общества.

Надо признать, что наука пока не дает однозначного ответа на вопрос о природе этих процессов, что позволило бы объективно оценить масштаб и последствия их влияния на общество и различные сферы его жизни. Достижения науки в этой части пока незначительны. Многие выводы и прогнозы еще не верифицированы, а потому звучат не вполне убедительно. К тому же нетрудно заметить, что объяснение процес-

сов и закономерностей развития современного общества, его отдельных сфер и институтов нередко осуществляется посредством умножения «сущностей», «имен», которые присваиваются тем или иным явлениям в том числе самими учеными в многочисленных концепциях современного общества и сценариях его будущих трансформаций. Их терминологическая палитра довольно пестрая: «информатизация», «кибернетизация», «цифровизация», революция «информационная», «технологическая», «цифровая» и т. п. Но что реально стоит за этими терминами? Как связаны эти «сущности» между собой в реальной действительности? Какие блага сулят человеку и обществу явления и процессы, получившие эти «имена»? Какие вызовы и угрозы (явные и скрытые) они несут? С чем мы имеем дело, что за процесс (процессы) мы наблюдаем и которым даже пытаемся управлять? Сопоставим ли он с разного рода революциями, имевшими место в истории человечества, такими как неолитическая, научно-техническая, информационная? Является ли «цифровизация» одним из этапов последней или новой революцией, за которой последуют серьезные соци-

ально-экономические трансформации, о которых мы еще даже не подозреваем? А может быть, мы имеем дело с обычным течением эволюции и весь ажиотаж вокруг «цифровизации» не более чем реакция возбуждения на привлекательный для предприимчивых людей, в том числе от науки, «внешний раздражитель», сознательно преобразуемый в креативный проект?

Вопросов пока больше, чем ответов. Едва ли возможно дать исчерпывающие ответы на них в рамках одной статьи, к тому же опираясь только на данные юридической науки. Для этого необходимо проведение междисциплинарных исследований (которые уже инициированы Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (далее — Институт) или ведутся совместно с рядом институтов Российской академии наук¹). Однако данное обстоятельство не снижает актуальности и

важности поиска ответов на поставленные вопросы. Напротив, оно нацеливает на активизацию и объединение усилий научного сообщества для решения соответствующих научных задач.

Одно из направлений научного поиска состоит в доктринальном освоении новых явлений и процессов, возникших и протекающих в государственно-правовой сфере под воздействием цифровизации экономики, управления и права. Вниманию читателей предлагаются некоторые размышления, оригинальные рабочие гипотезы, а также доктринальные решения, касающиеся осмысления влияния процесса цифровизации на государственно-правовую сферу жизни общества, право как таковое, оценки происходящих трансформаций и выявления тенденций в их динамике, прогнозирования состояния этих явлений в будущем, постановки фундаментальных и прикладных задач юридической науки в части доктринального освоения закономерностей развития и функционирования права и государственно-правовой сферы жизни общества в условиях цифровой реальности и определения подходов к их решению.

Тезис о цифровизации права в определенной мере провокационный. Взаимосвязь и влияние цифровых технологий на экономические и управленческие (в том числе государственно-управленческие) отношения уже очевидны не только ученым, но и рядовым гражданам, чего нельзя сказать об их аналогичном взаимодействии с правом.

На первый взгляд право сохраняет свои субстанциональные признаки², не подвержено существен-

¹ Институтом наработан большой опыт по проведению междисциплинарных исследований совместно с Институтом социологии, Институтом экономики и другими институтами Российской академии наук. Так, совместно с Центральным экономико-математическим институтом РАН была выполнена работа «Правовые механизмы обеспечения прозрачности бизнеса. Разработка математической модели для количественной оценки последствий незаконных финансовых операций на основные макроэкономические показатели». Совместно с Сетевым институтом в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма выполнялись исследования по тематике, связанной с научно-методическим обеспечением финансового мониторинга. В настоящее время Институт инициировал проведение фундаментального научного исследования по теме «Инженерия знаний: разработка эффективных технологических, социально-экономических и правовых моделей» совместно с Физическим институтом РАН, Центральным экономико-математическим институтом РАН, Институтом социологии РАН, Институтом

экономики РАН и другими ведущими научными центрами России.

² О тенденциях и векторах развития права в современном мире подробнее см.: Тихомиров Ю. А. Право в современном мире: векторы развития // Государство и право. 2017. № 5. С. 5—10.

ным трансформациям под воздействием «оцифровки» общественной жизни, в штатном режиме реагирует на происходящие изменения, продолжая выполнять свои функции. Именно такая картина предстает перед нами в результате анализа Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р (далее — Программа).

Из Программы следует, что праву отводится важная (инструментальная) роль в развитии цифровой экономики. Нормативное регулирование поставлено на первое место среди пяти базовых направлений ее развития. В нормативно-правовом обеспечении нуждается большинство мероприятий, которые планируется реализовать в целях «формирования новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием (цифровой экономики)». Таким образом, право предстает как средство, но не объект цифровизации. Этот вывод подтверждает анализ Дорожной карты реализации Программы, в которой обращает на себя внимание набор правовых инструментов, используемых для целей развития цифровой экономики. Они традиционные и были характерны для права «доцифровой эпохи». В их числе: нормативные правовые акты (законы и подзаконные акты); акты государственного стратегического планирования; правовые понятия, принципы и институты; правовые стимулы и ограничения; правовые режимы; комплексное правовое регулирование; юридическая ответственность; технические регламенты.

Юридические технологии, использование которых предусмотрено Программой, также совсем не цифровые. Для достижения целей ее реализации намечено применение таких технологий, как: пра-

вовой эксперимент; правовой мониторинг³; оценка регулирующего воздействия; оценка фактического воздействия проектов нормативных правовых актов.

Из новых инструментов и технологий, предусмотренных Программой, можно назвать лишь цифровую фиксацию отдельных юридических фактов (например, электронная форма трудового договора) и «специальную “технологическую” оценку проектов нормативных правовых актов» (правда, пока непонятно, что она будет собой представлять).

Признавая высокую значимость принятия рассматриваемой Программы для российской экономи-

³ В Программе термин «мониторинг» употребляется применительно к явлениям, которые представляют собой объект «правового мониторинга», что дает основание увидеть в программных положениях именно его. Отрадно видеть, что результаты многолетнего труда Института по разработке концепции правового мониторинга, методики его проведения (см., например: *Тихомиров Ю. А.* Организация и проведение правового мониторинга // *Право и экономика*. 2006. № 10. С. 11—15; *Горохов Д. Б., Спектор Е. И., Глазкова М. Е.* Правовой мониторинг: концепция и организация // *Журнал российского права*. 2007. № 5. С. 25—38; *Горохов Д. Б., Глазкова М. Е.* Организация правового мониторинга в системе федеральных органов исполнительной власти // *Журнал российского права*. 2008. № 4. С. 17—29; *Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие* / под ред. *Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова*. М., 2009), научно-методическому и экспертному сопровождению подготовки Указа Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» и постановления Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» востребованы и используются в таких масштабных проектах. В то же время полагаем, что возможности данного инструмента при стратегическом планировании развития цифровой экономики учтены недостаточно.

ки, полагаем возможным отметить, что она не в полной мере учитывает трансформации, наметившиеся и происходящие в настоящее время как в самом праве, так и в сфере правового регулирования, в том числе под воздействием цифровизации. Цифровые технологии способны менять образ права, влиять на его регулятивный потенциал и эффективность, открывать дорогу или блокировать его действие в новых измерениях социальной реальности⁴. Векторы и пределы таких изменений до конца не ясны, однако отрицать возможность их наступления и не принимать в расчет в ходе реализации такого масштабного проекта, как переход к цифровой экономике, на наш взгляд, будет ошибкой.

«Традиционное», «не цифровое» видение права, юридических технологий и отдельных видов юридической деятельности разработчиками Программы является следствием отсутствия соответствующих научных разработок, выявляющих и объясняющих влияние процесса цифровизации на право и правовую сферу жизни общества. Практическая потребность в такого рода исследованиях сейчас как никогда велика. В целях ее удовлетворения правоведом следует активизировать работу в этом направлении.

Правовое обеспечение развития цифровой экономики в России планируется осуществлять путем совершенствования правового регулирования, создания механизма правового регулирования вновь возникших общественных отношений, гармонизации законодательства государств — участников ЕАЭС.

Совершенствование правового регулирования общественных отношений в целях реализации Программы предполагает принятие значитель-

ного числа нормативных правовых актов, которые, по сути, должны перенастроить право на решение определенных этим документом задач. Своего рода «цифровая прививка» будет сделана гражданскому, трудовому, административному, уголовному и многим другим отраслям права, а также нормативным комплексам, регулирующим общественные отношения в сфере медицины, информации и информатизации и др. Следовательно, будет увеличиваться количество юридических норм, обеспечивающих необходимую регуляцию и перенастройку. Очевидно, эти нормы будут иметь сквозное (в терминологии Программы) для отраслей права проникновение и действие.

Однако констатировать появление своего рода «кросс-отраслевых» юридических норм, обеспечивающих «перепрошивку» права под цели и задачи цифровой экономики, явно не достаточно. Важно осмыслить не только то, как и с каким эффектом они будут воздействовать на общественные отношения, волю и сознание людей, развитие и распространение цифровых технологий, но и как поведут себя внутри системы права, какого рода связи эти нормы создают и в какие вступают, какое место они займут в системе права.

Надо признать, что нормативный массив, образующий правовую основу цифровой экономики, уже не только формируется, но и функционирует. Действует ряд международных договоров и нормативных правовых актов Российской Федерации, обеспечивающих информатизацию российского общества и развитие информационных технологий⁵. Вполне своевременно за-

⁴ Подробнее об этом см.: Правовое пространство и человек: монография / Н. В. Владова, С. А. Грачева, М. А. Мещерякова и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. В. Пуляева, Н. И. Хлуденева. М., 2012.

⁵ См.: Окинавская Хартия глобального информационного общества (принята на о. Окинава 22 июля 2000 г.) // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51—56; Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.); Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях

даться вопросами о природе такого рода правовых массивов, их месте в системе права и роли в интеграции и дифференциации его содержания и элементного состава⁶. Тем более что эти вопросы уже назрели в связи с формированием в праве схожих правовых массивов, например, образующих содержание «антикоррупционного законодательства», законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее — законодательство ПОД/ФТ).

Очевидно, что возникает соблазн идентифицировать такие правовые массивы в качестве комплексного института права, что обусловлено укоренившимися в юридической науке теоретическими подходами к выделению в системе права взаимодействующих элементов. Однако проведенное исследование приводит к выводу, что «традиционный» подход к категорированию правовых массивов не позволяет раскрыть природу рассматриваемого явления и адекватно отразить его место в системе права.

Изучение динамики развития отечественного и зарубежного права выявляет своего рода «циклические правовые массивы», чем-то напоминающие химические соединения, образованные в результате реакции циклизации. В своем развитии они не обнаруживают тенденции к обо-

соблению подобно отраслям или институтам права, а, напротив, демонстрируют способность к сквозному пронизыванию всех или большинства элементов системы права, внедрению в устоявшиеся ее элементы, особому взаимодействию с ними, детерминации их содержания, функционирования, а также вектора и темпов дальнейших трансформаций. Одним из следствий этого процесса является своего рода перенастройка (перепрошивка) права на решение социальных задач и удовлетворение общественных потребностей, вызвавших к жизни правовые нормы, выступающие «вершиной» в создании «циклических соединений в праве».

В общих чертах процесс «циклизации» в праве выглядит следующим образом: 1) появление отдельных норм, нацеленных на удовлетворение важных общественных потребностей, объективированных в приоритетах общественной активности и государственной политики⁷; 2) их вхождение и закрепление в уже сложившихся нормативных комплексах (отраслях, институтах права); 3) детерминирование вектора и темпа дальнейшего развития сложившихся нормативных комплексов, изменения их содержания; 4) появление нового структурного элемента системы права («циклического правового массива»); 5) перенастройка законодательства на решение социальных задач и удовлетворение общественных потребностей, вызвавших к жизни циклический нормативный массив.

Такой экстравертный характер имеют, например, нормы, образующие антикоррупционное законо-

и о защите информации»; Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»; Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы»; и др.

⁶ О дифференциации и интеграции в праве подробнее см.: *Петров Д. Е.* Система права // Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты: монография / под общ. ред. *Р. Л. Хачатурова*. М., 2017. С. 34—63.

⁷ Этому может предшествовать формирование устойчивой практики применения юридических норм в процессе индивидуального правового регулирования приоритетных общественных отношений, рассчитанных на схожие или близкие отношения с помощью их толкования, а также применения аналогии закона.

дательство⁸, динамика которого во многом определяет развитие других отраслей права, даже подчиняет задачи их обновления целям собственного развития. В результате «антикоррупционной прививки» значительные изменения претерпели уголовное, административное, финансовое, гражданское и другие отрасли права. Аналогичным образом ведет себя законодательство ПОД/ФТ. В данный момент идет процесс синхронизации антикоррупционного законодательства и законодательства ПОД/ФТ, что, возможно, приведет к появлению «макроциклического соединения в праве». Это предположение подтверждается современными тенденциями правового регулирования сферы ПОД/ФТ.

«Циклические правовые массивы» — явление не новое. Как было показано, они уже давно возникли и функционируют в праве. Можно предположить, что процессы возникновения и развития таких массивов в праве берет начало с момента появления самого права, однако в силу специфики (и, в определенной мере, ограниченности) мировоззренческой основы методологии юридической науки как сами массивы, так и процессы их формирования оставались не замеченными, не освоенными юридической доктриной.

В условиях новой «цифровой» реальности не только создается новый способ производства, складываются предпосылки для перехода к новой общественно-экономической формации, переформатированию общественных отношений и их правовой регуляции, но и формируется новое мировоззрение, миропонимание, гораздо более многомерное, чем в предшествующие периоды человеческой истории. Видимо, именно ци-

фровизация как общественных отношений, отражаемых и регулируемых правом, так и его самого создают предпосылки для обнаружения (открытия) процессов циклизации в праве и «циклических правовых массивов», доктринального осмысления их природы и механизмов формирования, закономерностей влияния на общественные отношения, право, его систему и структуру, правоприменительную практику и др. Именно в век цифровизации появляются интеллектуальная, методологическая и технологическая основы для познания закономерностей возникновения, развития и функционирования циклических нормативных массивов в праве.

Таким образом, мы предлагаем новый угол зрения на систему права, который открывает широкий спектр возможностей поиска ответов на возникающие в юридической теории и практике вопросы. Кроме того, работа в этом направлении позволяет ставить и решать научные задачи в части, касающейся изучения практики совершенствования правового регулирования общественных отношений в области цифровизации экономики и права. Практическая значимость гипотезы о существовании «циклических правовых массивов» имеет несколько аспектов:

1) именно «циклические правовые массивы» будут основным драйвером и магистральным направлением интеграции и дифференциации права в эпоху цифровизации. Следовательно, в целях формирования адекватной новым реалиям и эффективной правовой основы цифровой экономики следует развивать и активно использовать в правотворчестве научное знание о «циклических правовых массивах»;

2) концепция «циклических правовых массивов» (в случае ее разработки и обоснования) способна сформировать новый подход в правоприменении (а, возможно, и в других формах реализации права), связан-

⁸ Об антикоррупционном законодательстве подробнее см.: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Укрепление правопорядка и противодействие коррупции в условиях евразийской интеграции // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 5—19.

ный с выбором и анализом правовой нормы, юридической квалификации конкретного (в смысле — рассматриваемого) правоотношения, разрешением правовых коллизий и восполнением пробелов в праве. Познание роли и значения «циклических правовых массивов» в праве, его системе, механизме действия и др., вероятно, может привести к разработке новых способов преодоления юридических коллизий между нормами, входящими в различные циклические образования, а также между нормами одного и того же «циклического соединения». В последнем случае коллизия может быть преодолена посредством установления «вершины» (в терминологии химиков) «циклического массива» — своего рода «основной нормы» (по Г. Кельзену) и признания ее юридического верховенства в пределах «циклического правового массива». Эта же логика, вероятно, может быть применима и в процессе толкования права, а, возможно, и положена в основу его нового способа;

3) гипотеза о существовании «циклических правовых массивов» формирует новый угол зрения на закономерности возникновения, развития и функционирования права, правообразование, систему и структуру права и др. По сути, в случае подтверждения, составляет новый теоретический подход в исследовании права и законодательства, который может быть преломлен на методологию правовых исследований. Хотя можно прогнозировать и неизбежные риски, связанные с утверждением концепции «циклических правовых массивов», выраженные, в частности, в возможных конфликтах и непримиримых дискуссиях между представителями различных отраслевых юридических наук относительно пересмотра отраслевой структуры права и доктринального юридического знания.

Циклические процессы в правовой реальности протекают с различной

скоростью⁹. Одни из них очевидны одному поколению исследователей, другие растягиваются на века и даже тысячелетия. Так, еще в середине прошлого века ни у кого не вызывало сомнения незыблемость гражданского права. Дискуссия, развернувшаяся между цивилистами и хозяйственниками, скорее подтверждала данный тезис, а не опровергала его. Тем более гражданское право нашло себе достойного защитника с выдающимися полемическими возможностями — О. С. Иоффе. Сегодня, когда процесс распространения публичного сектора на имущественный оборот стал необратим, он просто разорвал гражданско-правовую материю, оторвав от нее корпоративное право и право конкурентное в широком смысле, включающее интеллектуальную и промышленную собственность. Напротив, кристаллизация таких функций, как противодействие коррупции и финансовый мониторинг, служит примером того, как правовое образование рождается буквально на глазах. Указанные обстоятельства позволяют разделить правовые образования (правовые массивы) не на основные и комплексные, и не на базовые и иные, а на устойчивые и ситуационные.

В последнее время в научном обществе все чаще и настойчивее звучат призывы к необходимости пересмотра устоявшихся теоретических положений, отражающих систему права¹⁰, в связи с тем,

⁹ В настоящее время скорость этих процессов существенно увеличивается в связи с действием такого фактора, как межгосударственная интеграция. Об этом см.: Хабриева Т. Я., Лукьянова В. Ю. Евразийская интеграция: особенности динамики // Бизнес и власть в России: регуляторная среда и правоприменительная практика. М., 2017. С. 69—81. Можно предположить, что со временем «скорость» станет важной и неотъемлемой характеристикой правообразования, динамики права, правовой интеграции.

¹⁰ См.: Радько Т. Н., Головина А. А. Современная системно-правовая теория: но-

что они не удовлетворяют потребности ни науки, ни практики. Многочисленные предложения относительно новых подходов и критериев к дифференциации элементов системы права¹¹, несмотря на свою креативность, находятся в парадигме советской теории права, сохраняя все ее «генетические» черты, а именно: 1) плоскостное видение системы права — все правовые образования располагаются в одной плоскости, координаты которой заданы предметом и методом правового регулирования; 2) статичность — сама идея всех рассматриваемых структур права берется в моменте времени, без учета темпоральных изменений (происходящих и грядущих).

«Открытие» в праве «циклических массивов» позволяет по-новому взглянуть на систему и структуру права. Предлагаемый подход учитывает вызовы современности, в том числе связанные с цифровизацией. Его можно охарактеризовать как объемный и динамичный.

«Объемность» предлагаемого подхода состоит в том, что предмет и метод рассматриваются не как абсцисса и ордината на плоскости, а как самостоятельные взаимодействующие плоскости. Число таких плоскостей, определяющих систему права, постоянно увеличивается. В этом качестве могут выступать также признаваемые социальные ценности, принципы, парадигмы, цели правового регулирования и т. п. Связи между отдельными точками на этих плоскостях и определяют место и «статус» соответствующего правового образования (нормы, института, от-

расли и т. п.) в системе права. Визуализировать такие связи можно через кристаллическую решетку, характеризующую состояние вещества. Однако пример с кристаллической решеткой не отражает всего своеобразия права. Связи в кристаллической решетке постоянны, изменить их можно только через внешнее воздействие. Право же — самоорганизующаяся система. Связи между ее плоскостями настраиваются самостоятельно в зависимости от общественных потребностей. Этот процесс постоянно протекает в правовой реальности, что и определяет динамизм системы права. Процессы установления связей между различными плоскостями правовой реальности цикличны и схожи с образованием бензольных колец. Такой подход в корне отличается от предшествовавшей концепции комплексных правовых образований. Последние как бы заимствовали правовые нормы из основных отраслей. «Циклические правовые массивы», напротив, встраиваются в существующие правовые образования, развиваются в их рамках, детерминируют дальнейшее развитие сложившихся нормативных комплексов, изменение их содержания, а когда перерастают их, разрывают материнскую среду, давая начало новым процессам.

Полагаем, что высказанные предложения могут помочь, наконец, нащупать выход из тупика, в котором находится теоретико-правовая наука, и возобновить научный поиск в части переосмысления теории системы права и разработки ее современной версии. Дальнейшее развитие теории системы права видится в направлении более полного исследования различного рода генетических, предметных, функциональных и иных связей между ее структурными элементами. При этом акцент следует сместить в сторону объяснения механизма интеграционного образования новых правовых общностей, укрепления единства внутри

вый этап развития или методологический кризис // Государство и право. 2017. № 2. С. 34—40.

¹¹ Подробнее об этом см.: Радько Т. Н., Головина А. А. Указ. соч. С. 34—40; Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты: монография / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М., 2017; и др.

уже существующих элементов системы права¹².

«Цифровизация» оказывает заметное воздействие прежде всего на сферу правового регулирования¹³, являясь важным (хотя и не единственным) фактором, обуславливающим ее динамику. В нее вовлекаются новые общественные отношения, которые прежде либо не существовали, либо не требовали правового регулирования или объективно не могли быть урегулированы правом. Так, в сфере правового регулирования мы наблюдаем появление отношений:

1) субъектами которых становятся виртуальные или «цифровые личности». Такое «лицо», по сути, образуют цифровые данные о реальном человеке, его виртуальном или «цифровом» образе (nickname, сетевом имени) и IP-адресе, к которому привязан компьютер, с которого совершены какие-либо действия в виртуальном пространстве. Происходит своего рода распределение субъекта этих отношений на составные части, чем-то напоминающее дисперсию света. В случае возникновения спора о праве, необходимости привлечения реального лица к юридической ответственности, совершения других правоприменительных действий потребуются собрать воедино эти составляющие, что при современном уровне цифровых технологий может оказаться весьма затруднительным (а то и просто невозможным, как, например, в случае с децентрализованными сетями, по-

строенными на принципе анонимности с использованием алгоритмов шифрования) чисто технически, равно как и связать эти части в единое целое в рамках существующих юридических процедур (имеется в виду установление связи лица с виртуальным образом и IP-адресом). Для идентификации субъекта как правовой личности придется, как пазлы, собирать все части в единую картинку;

2) связанных с юридически значимой идентификацией личности в виртуальном пространстве — также входят в сферу правового регулирования, требуют и объективно могут быть урегулированы правом, в том числе в целях обеспечения юридических гарантий прав человека, охраны персональных данных и др.;

3) возникающих в связи с реализацией прав человека в виртуальном («цифровом») пространстве, в том числе новых, иногда именуемых «цифровыми правами», таких как право на доступ в Интернет, право на забвение, право на «цифровую смерть» и др.;

4) связанных с применением робототехники. В сфере правового регулирования появляются отношения, в которых если не субъектом, то, как минимум, участником становится новая цифровая личность — робот. В связи с этим на повестке дня остро стоит вопрос о новых подходах к правовому регулированию общественных отношений с участием роботов, юридическому оформлению в цифровую эпоху правосубъектности как типичных (физических и юридических лиц, государства и др.), так и нетипичных (роботов, а также информационных посредников, таких как провайдеры, блогеры и т. п.) субъектов и участников правоотношений¹⁴;

¹² См.: Петров Д. Е. Указ. соч. С. 62.

¹³ Под сферой правового регулирования понимается правовая форма определенной совокупности общественных отношений, социальных фактов и обстоятельств, объективная реальность, оказывающая существенное воздействие на генезис, структуру и функционирование права и законодательства (см.: Лазарев В. В. Определение сферы правового регулирования // Лазарев В. В. Избранные труды: в 3 т. Т. 1: Закон. Законность. Применение закона. М., 2010. С. 233).

¹⁴ Работа в этом направлении уже ведется и есть результаты. Значительное внимание этим вопросам было уделено в ходе дискуссии, состоявшейся 25 октября 2017 г. в рамках XII Ежегодных научных чтений, по-

5) возникающих по поводу нетипичных объектов, прежде всего информации, цифровых технологий (например, финансовых и регулирующих) и создаваемых посредством их применения новых цифровых сущностей (например, криптовалют) и объектов материального мира, а также связанных с их использованием и оборотом. В связи с цифровизацией перед правовой наукой возникает фундаментальная проблема — осмыслить понятие и материю виртуальной вещи, какой являются практически все основные реалии цифровой экономики. Ее парадоксом является субстанциональная процессуальность. Это вещь, которая существует исключительно в процессе работы компьютерных программ, и процессы вычисления, телекоммуникации, человеческого мышления, сознания образуют ее субстанцию. Виртуальная вещь существует независимо от воли и сознания каждого отдельного человека, но одновременно обладает субстанцией исключительно вследствие компьютерной коммуникации нескольких лиц, вступивших в отношения, обладающие юридической формой и поддерживаемые исполняемой компьютерной программой. В отличие от материальной вещи виртуальная вещь не может быть достоянием никакого отдельного человека. Изготовленная с помощью какой-либо компьютерной программы, она не может быть отделена от этой программы. Она всегда достояние нескольких, а чаще — неопределенного круга лиц. Поэтому возникает вопрос о применимости права собственности к такой виртуальной ве-

щи, которая не имеет материально-вещественного прототипа.

Достаточно сложными и актуальными являются вопросы о создателе, творце виртуальной вещи (такую идентификацию не просто провести даже для компаний, создателей программных продуктов), вреде, причиненном посредством виртуальных вещей, ответственности за такой вред. В связи с этим перед правовой наукой стоит задача разграничения правового регулирования мира реальных вещей и мира виртуальных вещей;

6) связанных с использованием оцифрованных информационных массивов — информационных баз данных;

7) сопряженных с погружением в виртуальное пространство, переводом в цифровую форму и осуществлением действий и операций, посредством которых реализуются государственные функции, оказываются государственные и муниципальные услуги, обеспечивается электронное участие граждан в управлении обществом и государством, например в правотворческих процедурах (общественные обсуждения проектов нормативных правовых актов, различные виды их экспертизы, правовой мониторинг и др.). Важно отметить, что многие государства, включая Россию, с энтузиазмом переводят в виртуальное пространство осуществление государственных функций и услуг, информацию, в том числе имеющую государственное значение, и др., не имея ключей от этого «частного хранилища», расположенного в юрисдикции одного конкретного государства. Последствия такого «погружения» до конца не ясны, но опасность оказаться в прямой зависимости от «хозяина» этого хранилища, стать его заложником ощущается даже интуитивно и заставляет всерьез задуматься о выборе между продолжением или прекращением предпринимаемых в этом направлении действий;

священных памяти профессора С. Н. Братуся, на тему «Проблемы правосубъектности на современном этапе». Подробнее см.: Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. матер. к XII Ежегодным научным чтениям памяти проф. С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др. М., 2017.

8) связанных с совершением действий в виртуальном пространстве, направленных на возникновение, изменение и прекращение правоотношений, реализацию прав и исполнение обязанностей, образующих юридическое содержание;

9) сопряженных с применением автоматизированных действий (интернетом вещей), с которыми тесно связаны вопросы информационной безопасности, юрисдикции и др.

Это далеко не полный перечень общественных отношений, которые входят в сферу правового регулирования, существенно расширяя его границы и глубину. Анализ происходящих процессов позволяет сделать следующие выводы относительно особенностей динамики сферы правового регулирования в условиях «цифровизации».

В условиях интенсивной «цифровизации» происходит модификация сферы правового регулирования. Она становится мультисодержательной: в ее пределах не просто возникают новые отношения, но существенно изменяется ее структура, модифицируются сложившиеся связи. Ее образуют как типичные, так и нетипичные для нее, с точки зрения субъектного состава, объектов и среды существования, общественные отношения, включая те, которые практически исключают непосредственное участие человека. Все чаще мы наблюдаем общественные связи и отношения, составы фактических обстоятельств, а также события, происходящие помимо воли людей¹⁵. Тем не менее, с точки зрения современных за-

дач государства, они должны быть подвергнуты или уже подвергнуты правовой регламентации. В ее структуре появился новый элемент — отношения, которые должны, но на данном этапе объективно не могут быть урегулированы правом в необходимом объеме¹⁶.

Невозможность урегулирования отдельных общественных отношений связана не столько с их спецификой или ограниченными возможностями права, сколько с отсутствием в распоряжении государства цифровых технологий, обеспечивающих привычную взаимосвязь нормативного и индивидуального правового регулирования. Например, общественные отношения, связанные с использованием финансовых и регулирующих технологий (далее — финтех и регтех). Нормативные правила установить можно, равно как и осуществить казуальное регулирование в отдельных случаях, но проконтролировать процесс соблюдения (исполнения) этих правил на данном этапе государство не в силах. Полагаем, что в данном случае важно различать два аспекта:

а) способность права влиять на процессы цифровизации и использования финтеха и регтеха, даже регулировать общественные отношения, связанные с их использованием;

б) отсутствие технической возможности объективного правового контроля как над самими технологиями, так и над процессами их при-

ленные волей и сознанием в привычном для человека смысле.

¹⁶ Напомним, что традиционно в теории права принято было относить к сфере правового регулирования общественные отношения, которые: 1) могут быть, должны быть и урегулированы; 2) могут быть, должны быть, но не урегулированы. Теперь сложились предпосылки к включению в сферу правового регулирования еще одной группы отношений — тех, что должны быть, но на данном этапе не могут быть урегулированы правом.

¹⁵ Важно отметить, что множатся и объекты правового воздействия. Если прежде не вызывало сомнения утверждение, что «право воздействует на волю и сознание людей с тем, чтобы вызвать определенное поведение» (см.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 53), то теперь право, по всей видимости, должно оказывать воздействие на цифровые сущности, не наде-

менения и общественными отношениями, при этом возникающими.

Означает ли данное обстоятельство, что мы стоим на пороге сращивания правовых инструментов и цифровых технологий или приращения арсенала первых за счет включения в него вторых? Очевидно, что потребность в обеспечении правового регулирования необходимым высокотехнологическим инструментарием, прежде всего позволяющим осуществлять контроль за деятельностью субъектов права, существует. Вопрос, как ее удовлетворить? Вероятно, ответ на него может быть дан не юристами, а, скорее, программистами. Тем не менее в нем нуждается и юридическая практика, а это нацеливает на совместную работу представителей юридической науки и хай-тека. Не менее важный вопрос состоит в том, возникнут ли в связи с решением технологической задачи гибридные формы средств или способов правового регулирования, включающих как сугубо юридические, так и цифровые (например, цифровой код) инструменты? Поиск ответа здесь также имеет важное практическое значение.

Наблюдение и анализ динамики сферы правового регулирования показали, что в данный момент четко прослеживается тенденция к расширению ее границ и вовлечению в данную сферу все большего числа общественных отношений. Причем это происходит под воздействием различных факторов, не только цифровизации.

Фокусируя внимание на установлении общего, особенного и единичного во влиянии «цифровизации» на сферу правового регулирования, резонно задаться вопросом: повлечет ли использование цифровых технологий расширение границ правового регулирования и появление в нем новых сегментов? Полагаем, что действие рассматриваемого фактора (цифровизации) может привести как к расширению, так и сужению сферы правового регулирования, из-

менению его глубины и других параметров, в частности соотношения сфер законодательного и подзаконного регулирования, областей частного правового и публично-правового регулирования.

Несмотря на то что в данный момент мы наблюдаем тенденцию к расширению сферы правового регулирования, нет оснований утверждать, что эта тенденция, во-первых, связана исключительно с «цифровизацией», во-вторых, устойчива и будет доминировать в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Необходимость в правовом опосредовании тех или иных общественных отношений не абсолютна. Она предопределена материальными, политическими, идеологическими и другими условиями, а в конечном счете объективными потребностями конкретного общества и государства¹⁷. В современном обществе усиливаются тенденции к укреплению самоуправленческих начал в управлении различными общностями и процессами. Особенно это заметно в общественных коммуникациях в Интернете. Собственно говоря, появление разного рода виртуальных сообществ, финтеха и регтеха — это свидетельство стремления определенных групп людей выйти из-под жесткой государственной регуляции. То есть существует потребность в сокращении сферы правового регулирования, в частности, той ее части, что связана с «цифровизацией». Современные государства воспринимают это по-разному. Многие из них — как угрозу, поэтому реагируют, активно усиливая регулятивное воздействие, преимущественно посредством установления новых юридических обязанностей и запретов.

Не отрицая необходимость воздействия права на соответствующую область общественных отношений, полагаем, что важно не просто преумножить обязанности, а приме-

¹⁷ См.: Лазарев В. В. Указ. соч. С. 234.

нять такие средства и методы, которые дополняли бы и укрепляли иные формы социального регулирования. Во многом решение этой задачи будет зависеть от реального соотношения частного и публичного интересов в рассматриваемом сегменте сферы правового регулирования.

Критерии определения границ сферы правового регулирования следует искать в характере самих общественных отношений и свойствах права как специфического регулятора социальной жизни, нельзя упускать из виду и основополагающие принципы социально-политической системы. Например, укоренение доктрины и практики государства — «ночного сторожа» вело бы к значительному сужению государственно-правовой сферы и, наоборот, развитие социальных и экономических функций государства — к ее расширению¹⁸. Особое значение имеет определение сферы регулирования подзаконными актами.

Очевидно, что содержание права под влиянием «цифровизации» претерпевает изменения. В этом нет ничего необычного. Появление новых общественных отношений, которые объективно могут и должны быть урегулированы правом, вызывает к жизни новые юридические нормы, изменение или отмену уже действующих. Специфика происходящих содержательных изменений тесно связана с трансформацией сферы правового регулирования. Появление в ее пределах новых общественных отношений, особенно тех, которых были показаны выше, обуславливает установление юридических норм, их опосредующих, и появление новых явлений в праве, таких как нетипичные субъекты права, объекты правоотношений, нормы, регулирующие отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся между цифровыми сущностями, а не между людьми и их объединениями.

Принимая во внимание то обстоятельство, что в условиях масштабной «цифровизации» возможность урегулирования ряда общественных отношений в пределах юрисдикции национального государства становится весьма относительной, можно прогнозировать возрастание роли международного права и новый виток международной стандартизации в праве, выраженной в установлении правовых стандартов регулирования отношений в «цифровой реальности», которые будут последовательно имплементироваться в законодательство национальных государств. Надо отметить, что вышеупомянутая Программа развития цифровой экономики в России предусматривает разработку и внедрение значительного количества собственных (национальных) правовых стандартов. В то же время юристами так и не решен вопрос о природе этого явления, его роли в механизме правового регулирования, соотношении с другими правовыми явлениями, а соответственно, и месте в понятийно-категориальном ряду. Отдельные достижения в этой части, конечно же, имеются, например в отношении антикоррупционных стандартов¹⁹, стандартов правосудия²⁰ и др. Но очевидно, что в свете реализации Программы эта работа должна быть продолжена на уровне общей теории права.

Существенное влияние оказывает «цифровизация» на форму пра-

¹⁹ Подробнее см.: Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2012; Правовые средства противодействия коррупции: науч.-практ. пособие / Н. А. Власенко, С. А. Грачева, Е. Е. Рафалюк и др.; отв. ред. Н. А. Власенко. М., 2012; и др.

²⁰ См., например: Глазкова М. Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: монография. М., 2012; Черногор Н. Н., Медведев Е. В. Стандарт правосудия как теоретико-правовая категория // Адвокат. 2012. № 10. С. 5—8.

¹⁸ См.: Лазарев В. В. Указ. соч. С. 240.

ва. Давно уже электронные версии формально-юридических источников права размещаются в Интернете, создаются соответствующие электронные базы и информационно-справочные системы (например, «Гарант», «КонсультантПлюс» и др.), которые сегодня приобрели большую популярность и у практикующих юристов, и у рядовых граждан. Социологические исследования, проведенные сотрудниками Института, показали высокую степень доверия пользователей к текстам, размещенным в этих системах. И именно к ним, а не к официальным источникам опубликования нормативных правовых актов, судебных решений и т. д. обращаются профессиональные юристы при осуществлении своей деятельности, при этом допуская, что упомянутые системы могут содержать ошибки и неточности. Однако удобство использования этих информационных ресурсов является главным аргументом в пользу обращения именно к ним. В результате мы наблюдаем любопытное явление: у формально-юридических источников права, таких как нормативный правовой акт, договор нормативного содержания и др., появляется «виртуальный дублер», «цифровой двойник», который может в точности совпадать по форме и содержанию с официальным текстом, изданным, оформленным и обнародованным по всем правилам, но может и отличаться от оригинала. Это уже не просто цифровая копия, а нечто большее, так как электронная версия текста формально-юридического источника права выполняет функции последнего. Именно в нем «черпают право» юристы при разрешении юридического дела. При этом точного соответствия цифровой копии оригиналу никто не гарантирует, а практика свидетельствует о наличии ошибок и неточностей в электронных версиях нормативных правовых актов и других источников права. Безусловно, это не способствует повышению качества право-

реализационной деятельности. Хотя надо признать, что при современном уровне развития цифровых технологий технически исключить возможность их допущения впредь не составит никакого труда. Однако уже созданный массив текстов, которые набирались вручную, по всей видимости, не скоро будет подвергнут ревизии.

Любопытно, что за поиском государственно-властного решения мы обращаемся к неофициальным ресурсам, держатели которых теоретически могут не только допускать ошибки в текстах электронных версий формально-юридических источников права без какого-либо умысла, по неосторожности, но и делать это сознательно. Следовательно, такого рода информационно-справочные системы, весьма популярные среди пользователей, могут превратиться в инструмент манипулирования. К тому же ошибки в электронных версиях текстов могут быть привнесены со стороны как в результате действия третьих лиц, хакеров, так и «хозяина» сети — частного субъекта — держателя и монополиста в предоставлении инфраструктуры, или систематизированной особым образом, а возможно, зашифрованной базы данных.

Интересно и то, что оцифровка формально-юридических источников права приводит к формированию новых приемов и способов юридической техники, в частности отсылка к ранее действующей редакции нормативного правового акта или его части, к другим нормативным правовым актам, судебным решениям, официальным письмам и др. Именно в виртуальном пространстве существует такое явление, как «актуальная версия» нормативного правового акта, чего нет в реальном мире (хотя этот вопрос неоднократно поднимался как учеными-правоведами, так и практическими работниками). Заметим, что нынешняя «актуальная версия» нормативных правовых актов

при всех ее достоинствах представляет собой лишь прототип будущей цифровой модели. Разница между ними в том, что современная «актуальная версия» построена по принципу базы данных. Цифровую же версию надо создавать по принципу «базы знаний», в которой будет собрана, систематизирована, структурирована и приспособлена для автоматизированного использования (более объемная и разноплановая (правовая, экономическая, социологическая и др.) информация, позволяющая без участия человека осуществлять толкование правовых норм, юридическую квалификацию деяний и правоотношений, разрешать юридические коллизии, совершать сделки, выносить правоприменительные решения, определять эффективность правовых норм, формулировать правотворческие решения в целях оптимизации правового регулирования и др.

На современном этапе развитие «юридической техники» отражения формально-юридических источников права в виртуальном (цифровом) пространстве формирует:

1) новые, более совершенные способы систематизации нормативных правовых актов, которые следует брать на вооружение субъектам правотворчества в целях оптимизации своей деятельности;

2) стереотипы более глубокого и объемного понимания системных связей между различными формально-юридическими источниками права (нормативными правовыми актами, судебными решениями и др.);

3) новый образ отдельных формально-юридических источников права, например Конституции. Так, Конституция Российской Федерации, загруженная в виртуальное пространство с соблюдением всех правил «юридической техники» создания цифровой копии, предстает как актуальное в данный момент времени единство: а) ее текста; б) федеральных конституционных законов; в) правовых позиций

Конституционного Суда РФ; г) законов РФ о поправках к Конституции РФ; д) общепризнанных норм и принципов международного права, ставших частью российской правовой системы.

Сама идея такого понимания конституции не нова, но в реальном мире она так и не получила широкого распространения. В виртуальном пространстве она нашла воплощение как бы сама собой, так как подобную цель никто не ставил и усилия для ее достижения никто не прилагал. Полагаем, что правоведам, прежде всего представителям науки конституционного права, следует подумать над вопросом о новой «цифровой» форме конституции и способах корреляции реальной и цифровой форм основного закона государства. Научный поиск в этом направлении может привести к открытию новой страницы в теории современной конституции.

Погружение в цифровое пространство правореализационных актов также демонстрирует формирование и применение приемов и способов юридической техники электронного документа, представляющих собой синтез цифровых (технологических) и юридико-технических решений. Например, вышеназванной Программой предусмотрена замена трудового договора, оформленного в бумажном виде, цифровой формой, которая, скорее всего, будет формироваться по «цифровым юридико-техническим правилам».

С развитием цифровых технологий обостряется противоречие между потребностью в качественных как с точки зрения формы, так и содержания нормативных правовых актов, а также способностью упомянутых технологий ее удовлетворить, с одной стороны, и невысоким качеством нормативного материала, произведенного «вручную», без применения хай-тека, — с другой.

Преодоление этого противоречия видится в «оцифровке» юридических технологий, применяемых в

правотворчестве, разработке и использовании «цифрового юртекха» при создании проектов нормативных правовых актов. Речь идет о технологиях правового мониторинга, юридического прогнозирования, юридического моделирования, проектирования юридических норм, экспертизы проектов нормативных правовых актов, оценки регулирующего воздействия и др. Это позволит не только вывести правотворчество на новый качественный уровень, но и существенно снизить нагрузку на аппараты правотворческих и иных органов, задействованных в правотворческом процессе.

Применение цифрового юртекха не ограничено только правотворчеством, а может и должно внедряться в сферу правореализации. Опыт зарубежных стран показывает, что это перспективный путь повышения эффективности правореализационной, в том числе правоприменительной, деятельности.

Мы обратились лишь к некоторым сюжетам, иллюстрирующим влияние «цифровизации» на право, его содержание, систему, форму и др. Но и на основе их рассмотрения можно сделать довольно простой вывод, что право не может не испытывать влияния «цифровизации», оставаясь вне объектов, претерпевающих трансформации под ее воздействием. В связи с этим полагаем, что перед правовой наукой стоят серьезные фундаментальные задачи, связанные с осмыслением происходящих с правом трансформаций в условиях цифровой реальности, в числе которых:

1) постановка и разработка проблемы виртуального и реального в праве, развитие методологии юридической науки, ее обогащение познавательными средствами, позволяющими изучать право с позиции соотношения виртуального и реального;

2) выявление механизмов и закономерностей влияния «цифровизации» на право;

3) изучение природы «циклических правовых массивов» и механизма их формирования, а также влияния на общественные отношения, право, его систему и структуру, правоприменительную практику. Результаты такого рода исследований помогут сформировать современное научное видение системы и структуры права, послужат методологической основой для подготовки концепций российского развития законодательства, решения проблем правового регулирования общественных отношений в сфере формирования и использования информационных баз данных, а также цифровых технологий, позволят с научных позиций оценить допустимость и определить пределы перенастройки универсальных правовых инструментов на решение задач развития цифровой экономики;

4) подготовка прогнозных сценариев изменения места и роли в регулировании цифровой экономики права и государства, их будущих трансформаций, появления новых нормативных комплексов в системе социальных норм наряду с уже существующими (моралью, религией, правом);

5) разработка стратегии, тактики и юридического инструментария управления упомянутыми трансформациями;

6) создание концепции опережающего отражения в праве общественных отношений в сферах, сопряженных с использованием цифровых технологий;

7) разработка моделей правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием цифровых технологий и определяющих базовые принципы регулирования и вектор согласования современных разнонаправленных тенденций регулирования соответствующих общественных отношений, варианты взаимодействия и сочетания различных уровней, видов, средств и методов регулирования, распределения или concentra-

ции регулятивных функций и полномочий в этой области, а также способов обеспечения баланса частных и публичных интересов;

8) создание «цифрового юртекха» и др.

В завершение наших размышлений отметим, что новая цифровая реальность предъявляет новые требования к правовой науке и

юридической практике, касающиеся в том числе разработки эффективных инструментов и моделей правового регулирования различных областей общественной жизни. Задача юристов — придать этой реальности правовую форму. Юридическая наука уже готова предложить правовые решения. Важно, чтобы голос ученых был услышан практиками.

Библиографический список

Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.

Глазкова М. Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: монография. М., 2012.

Горохов Д. Б., Глазкова М. Е. Организация правового мониторинга в системе федеральных органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2008. № 4.

Горохов Д. Б., Спектор Е. И., Глазкова М. Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. 2007. № 5.

Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2012.

Лазарев В. В. Определение сферы правового регулирования // Лазарев В. В. Избранные труды: в 3 т. Т. 1: Закон. Законность. Применение закона. М., 2010.

Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты: монография / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова.

Петров Д. Е. Система права // Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты: монография / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М., 2017.

Правовое пространство и человек: монография / Н. В. Власова, С. А. Грачева, М. А. Мещерякова и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. В. Пуляева, Н. И. Хлуденева. М., 2012.

Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. М., 2009.

Правовые средства противодействия коррупции: науч.-практ. пособие / Н. А. Власенко, С. А. Грачева, Е. Е. Рафалюк и др.; отв. ред. Н. А. Власенко. М., 2012.

Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. матер. к XII Ежегодным научным чтениям памяти проф. С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др. М., 2017.

Радько Т. Н., Головина А. А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис // Государство и право. 2017. № 2.

Тихомиров Ю. А. Организация и проведение правового мониторинга // Право и экономика. 2006. № 10.

Тихомиров Ю. А. Право в современном мире: векторы развития // Государство и право. 2017. № 5.

Хабриева Т. Я., Лукьянова В. Ю. Евразийская интеграция: особенности динамики // Бизнес и власть в России: регуляторная среда и правоприменительная практика. М., 2017.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Укрепление правопорядка и противодействие коррупции в условиях евразийской интеграции // Общественные науки и современность. 2017. № 1.

Черногор Н. Н., Медведев Е. В. Стандарт правосудия как теоретико-правовая категория // Адвокат. 2012. № 10.